

В жизни у каждого возникает желание узнать свою родословную: кто были наши предки, как они жили, чем занимались, что их окружало. Интересно знать, чем отличается жизнь нашего поколения от той прежней...

По рассказам бабушек и дедушек, а также родителей, во второй половине 19 века в селе Большая Елховка была построена деревянная церковь, которая была освящена на Рождество Пресвятой Богородицы 21 сентября. Поэтому этот день прихожане сел Большая Елховка и Шувалово считали престольным праздником.

Справка музея: Деревянная Рождество-Богородицкая церковь с Михаило-Архангельским приделом (1859), построенная в 1849 помещиком А.Н. Хрущевым, в середине XX века разрушена. Община восстановлена в начале 1990-х. При помощи птицефабрики "Октябрьская" построена кирпичная одноглавая церковь с притвором, освященная в 1996 году церковь Воскресения Христова в селе Большая Елховка.

При церкви действовали два хора, один из прихожан Большой Елховки, другой из прихожан Малой Елховки и Шувалово. Во время богослужения они пели молитвенные песни на разных «крыльцах». В хор отбирались молодые прихожане с хорошими голосами. Перед богослужением они собирались на спевки. Мать, Разумова (Лосева) Евдокия Тимофеевна, в хоре не участвовала, не подходил голос. А отец, Разумов Иван Андреевич, обладал очень сильным голосом, выше чем бас. Таким голосом обладал только он и дьяк. При церкви работала школа с двухлетним сроком обучения. Уроки богослужения в ней преподавал батюшка, а остальные предметы его дочь. Мать окончила два класса, а отец церковно-приходскую школу в селе Михайловка, с четырехлетним сроком обучения.

После революции семнадцатого года церковь была закрыта и переоборудована под школу с четырехлетним сроком обучения.

В деревне Малая Елховка была построена семилетняя школа, в которой учились дети из близлежащих сел. Потом она была реорганизована в восьмилетнюю. В 1980 году была

построена средняя школа в селе Большая Елховка, поэтому учащиеся и учителя были переведены в нее. В Малой Елховке осталась начальная школа, которая вскоре была закрыта за неимением контингента учащихся.

Родные мои, которые пели в церкви «на крыльцах», это восемь дядюшек и тетушек, стали в праздничные дни собираться в домах. И мы, дети, наслаждались их пением русских народных песен. У отца был такой мощный вибрирующий голос, что семилинейная лампа, подвешенная к потолку, гасла. Первоначально огонь в лампе начинал дрожать, потом подпрыгивать и совсем гаснуть...

После уборочной в колхозе ежегодно справляли «День урожая». Около бывшей школы делали из досок столы, женщины готовили еду и накрывали на стол. Потом праздновали всем поселком, пели, плясали. Если погода не позволяла, то собирались в домах в виде «десятидворок». Отец был в компаниях запевалой, поэтому был желанным гостем. От запевалы, как ведущего, зависело общее веселье компании. Мы, дети, когда праздновали на улице, были рядом, нас угощали пирогами, сладостями. В то время народ жил дружно, вместе работали, вместе веселились, при необходимости помогали друг другу. По-видимому, это было от того, что все жили в равных условиях. Не было соперничества в накоплении богатства. В поселке Красный Дол людей с высшим образованием не было. Только молодежь нашего поколения стала обучаться в пединституте, он единственный в Мордовии давал высшее образование. Отец, окончив курсы счетоводов, работал в колхозе по специальности, потом кладовщиком, завхозом. Он прекрасно работал на канцелярских счетах, мог выполнять на них любые арифметические действия и находить проценты от числа. Иван Андреевич был среднего роста, с приятными чертами лица, пышной, кудрявой шевелюрой каштановых волос, как у его матери Евдокии Ермильевны, чем отличался от лысого, рыжеватого своего отца Андрея Степановича. Имея приятную внешность, обладая тактичностью и красивым голосом, он имел успех у женщин, поэтому жена его ревностно всегда опекала. Они любили друг друга, поэтому жили в дружбе и согласии, воспитывая восьмерых детей, семеро живы и по сей день (!).

Когда началась война, отца призвали в армию в конце августа сорок первого года и через две недели отправили на фронт. С танковой частью он освобождал Украину, Болгарию и Венгрию.

В начале сорок пятого от него перестали поступать письма, думали, что убит. Но в октябре сорок пятого года он неожиданно вернулся с Восточного фронта из Манчжурии, после победы над Японией. Оказывается, им было запрещено писать письма, когда часть с Западного фронта перебрасывали на Восточный.

Нам было очень трудно переживать военные годы. У матери тогда было шестеро детей «один другого меньше». Старшей сестре Любе шел пятнадцатый год, мне - тринадцатый. Плохо было с питанием, спасали огород и корова. На огороде в сорок соток сеяли просо и сажали картофель. Он был основным продуктом, да трава лебеда. Выращивали теленка и ягнят на мясо. Особенно трудным было лето сорок третьего года, когда закончилась картошка. Спасибо дедушке Тимоше, он помогал, чем мог. Не лучше было с одеждой и обувью. Мать перешивала на нас старую одежду, младшие донашивали за старшими. Мать перед сном всегда вставала на колени молиться за благополучие отца, а нас просила повторять молитвы за ней. Бог, наверное, услышал наши молитвы, отец вернулся.

У родителей это был второй брак. Отец от первого брака имел сына Федора, который

погиб на фронте в апреле 1945 года, за несколько дней до окончания войны. Родители отца были против брака с моей матерью, но он настоял на своем решении. Им не нравился будущий сват Тимофей Семенович, который считался бедняком. С собой он был красивый, высокого роста, общительный, пользовался авторитетом у молодежи. Рано оставшись без отца, которого затоптал жеребец, когда тот водил его купать на речку, вел свободный образ жизни. Участвовал в уличных потасовках, любил играть в «орлянку» и участвовал в скачках на лошадях. Женился на Жуковой Анне Васильевне из села Шувалова, из семьи среднего достатка. Она была небольшого роста, спокойная, работающая, стремившаяся всегда угодить мужу. Жили в дружбе, мире и согласии, воспитали сына и трех дочерей. Дедушка в половодье любил наметкой ловить рыбу. Однажды он и еще двое мужчин так увлеклись ловлей, что не заметили, как быстро в реке стала подниматься вода, а когда заметили, то протока им уже отрезала путь к дому. Он еще надеялся перейти протоку, но зайдя выше пояса, понял - не пройти. Подтащили на мель льдину, встали на нее и стали звать на помощь. Его дядя попытался на жеребце подъехать к ним, но течением стало сносить, пришлось вернуться. Из Шувалова привезли лодку, на которой их доставили на берег. Они сильно продрогли. Дедушка уже не мог идти и говорить. Дома стали растирать тело водкой, а чтобы влить в рот, зубы разжимали кочедыком. После этого у него начали болеть ноги. Его товарищи также заболели. Пожилой вскоре умер, а младший, Волков Федор Васильевич, ослеп. Дед был призван в армию (воевал в германскую), где ему в санчасти назначили грязевое лечение, которое помогло встать на ноги. Неприязнь к матери отцовых родителей сохранилась на всю жизнь. Дедушки и бабушки были нашими соседями, жили по обе стороны от нас. Но мы редко общались с родителями отца. Они были среднего достатка. Дедушка Андрей был мастер на все руки, плотничал, бондарничал, выделял овчины и так далее. К ним я стал ходить, будучи уже взрослым. Он объяснял, как надо шить сапоги, давал для этого колодки. Потом учил, как «вязать» оконные рамы, ставить косяки, двери, давал для этого свой инструмент. Когда я строил свой дом, все плотничьи и столярные работы выполнял сам. Умер он от водянки в возрасте 84-х лет, а бабушка прожила на два года больше. Она обладала хорошей памятью и эрудицией. У населения пользовалась большим авторитетом.